

в этой традиции за пределы внешней констатации такого свойства. Епифаний развивает этот способ «прозрения», вводя себя самого в обстановку видений и чудес. Он как бы учится видеть себя «сердечными очами» и описывать свои наблюдения. Этот первоначальный путь к самонаблюдению кажется автору столь непривычным, что он считает нужным прямо указать на него читателю — «вижу себя». Действие происходит во сне, но реальность такого самонаблюдения подчеркивается тщательным описанием окружающей автора обычной обстановки и даже помещенным им самим в скобках специальным пояснением: «... и вижу себя сидяща посреде келейцы моей на скамейке (на ней же рукоделие мое временем делаю), а богородица от образа прииде...» (235). В другом случае: «и вижу себя на некоем поле велике... и вижу... на воздухе лежат два мои языка» (252).

В житийной традиции встречаются случаи, когда видение изображается как внимательное «прилежное» созерцание героем и его небесными посетителями друг друга. Например, Мартирий Зеленецкий увидел во сне «девицу благообразну... в келью его пришедшу и... вседшу близь... икон, зрящи на них прилежно... и тако блаженному неуклонно зрящу на милостивое ея лице...».¹⁸ Епифаний использует и этот способ «прилежного» созерцания чудесных явлений для того, чтобы не только внешне описать видение, как это делается в житиях, но и раскрыть перед читателем сам процесс его становления. Чудо постепенно развивается на глазах автора, обретая черты будто бы реального явления. Когда перед «сердечными очами» автора явился гроб с телом его покойного друга Евфросина, автор стал наблюдать за ним: «И зрю на него прилежно и нача... Ефросин по малу малу оживати...» (244). Точно так же автор наблюдал во сне за своим отрезанным палачами языком: «и зрю на него прилежно; он же на руке моей ворошится живешенек» (253). Однажды ночью темница автора озарилась светом, но это было лишь традиционным началом видения, которое далее развивалось по-новому, аналогично с предшествующими ему видениями: «аз же зрю прилежно на той великий свет...». Перед глазами автора происходит постепенный процесс материализации, и оживления этого света: «и нача той свет огустевати, и сотворися ис того света воздушнаго лице, яко человеческое...» (255).

Это «прилежное» пристальное самонаблюдение, как и наблюдение окружающих событий, привело автора к новому способу изображения обстоятельств его жизни (реальных и воображаемых), как процессов, развивающихся во времени. Традиционные житийные исцеления, происходящие будто бы в результате видений, изображались обычно как мгновенный акт превращения больного человека в здорового, чем и доказывалась чудесная сила небесных целителей. Например, некий расслабленный «в сон тонок сведен бысть» и увидел тогда Михаила Клопского, который обещал ему исцеление, «он же абие возбну, и видит себя здрава...»;¹⁹ заболел, некий Митрофан надел на себя «скиму железную» Евфросина Псковского и «абие уснувшу ему и възбнувшуся ему, обрете себе здрава...».²⁰ В отличие от этого Епифаний настойчиво подчеркивает более отвечающий реальности постепенный характер таких исцелений («по малу малу»), хотя, по его мнению, они и осуществлялись небесной волей. Например, после казни «по малу малу рука моя исцеле от ран, и делаю ныне вское рукоделие»

¹⁸ Повесть о Мартирии, основателе Зеленой пустыни. — Памятники старинной русской литературы, в. 4. СПб., 1862 (далее: Памятники, в. 4), стр. 63.

¹⁹ Повесть о Михаиле Клопском. — Памятники, в. 4, стр. 49.

²⁰ Повесть о Евфросине Псковском. — Памятники, в. 4, стр. 23.